

РЕЦЕНЗИИ

Ориентализм ориентализму рознь*Б. А. Алимджанов*

Для цитирования: *Алимджанов Б. А. Ориентализм ориентализму рознь // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1488–1497. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.420>*

Статья посвящена анализу новой книги Р.Ю. Почекаева «Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в.». В этой книге автор исследует записки российских и западных путешественников в «исторические» страны современной Центральной Азии. В качестве теоретического основания автор использует понятие «ориентализм» в усеченном варианте, т.е. ориентализм в саидовском понимании, который применяется в анализе трудов только западных (английских) путешественников. В статье также противопоставляются местные источники с трудами путешественников. Основная идея автора заключается в том, что записки путешественников являются ключом к пониманию правовой и государственной структур стран Центральной Азии (Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства). Исследователь настаивает на том, что записки «иног» станут базой для продвижения идеи, что ислам не был всеобъемлющим инструментом объяснения государственности и права в Центральной Азии. Автор утверждает, что местные источники игнорируют доисламские и кочевые «остатки» права (адат). Местные религиозные практики активно использовали и ассимилировали «обычное» право и шариат. Автор практически не использует наработки и труды современных историков и востоковедов Центральной Азии. Нужно отметить, что историки Центральной Азии, в особенности востоковеды из Узбекистана и Казахстана, открыли большой пласт архивных документов, которые меняют наше представление о Позднем Средневековье Центральной Азии. Сосуществование разных религиозных, кочевых и доисламских практик является особенностью истории населения Центральной Азии. «Разнимать» или противопоставлять эти практики стало имперским изобретением. Автор пытается преодолеть европоцентристский подход в объяснении государственности и права в Центральной Азии. К сожалению, поверхностное преодоление ориентализма при-

Бахтиер Абдихакимович Алимджанов — канд. ист. наук, независимый исследователь, Узбекистан, 100115, Ташкент, ул. Чиланзар, квартал 1, 14; felix_1985@mail.ru

Bakhtiyor A. Alimdjjanov — PhD in History, Independent Researcher, 14, block 1, ul. Chilanzar, Tashkent, 100115, Uzbekistan; felix_1985@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

вело автора к оправданию империализма и реанимации «положительного» советского позитивизма в понимании истории Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, путешественники, Большая игра, Российская империя, Британская империя, историография, «местные» источники, государственность, право.

Orientalisms May Differ

B. A. Alimdjanov

For citation: Alimdjanov B. A. *Orientalisms May Differ*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1488–1497.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.420> (In Russian)

The article examines a new book by R. Yu. Pochekaev “State and Law in Central Asia through the Eyes of Russian and Western Travelers of the 18th — early 20th centuries”. As a theoretical basis for his research, the author uses the concept of “Orientalism” in a truncated version. That is, “Orientalism” in the Western sense is used in the analysis of works of only Western travelers. The author also contrasts “local” sources with the works of travelers. The main idea of the author is that travelers’ notes are the key to understanding the legal and state structure of the countries of Central Asia. The author insists that records by “the other” will become the channel for promoting the idea that Islam was not a comprehensive tool for explaining statehood and law in Central Asia. The author claims that “local” sources ignore the pre-Islamic and nomadic “remnants” of the law (*adat*). It should be noted that the historians of Central Asia, especially the Orientalists from Uzbekistan and Kazakhstan, have discovered a considerable layer of archival documents that change our understanding of the late Middle Ages of Central Asia. It is worth pointing out that local religious practices actively used and assimilated both “customary” law and Sharia. The coexistence of different religious, nomadic and pre-Islamic practices is a specific feature of the population of Central Asia. The author tries to reconsider the Eurocentric approach to statehood and law in Central Asia. Unfortunately, the superficiality of the reconsideration gives rise to justification of imperialism and revival of the “positive” Soviet positivism in understanding the history of Central Asia.

Keywords: Central Asia, travelers, Great Game, Russian Empire, British Empire, historiography, local sources, statehood, law.

Профессор Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге Р.Ю.Почекаев издал очередную книгу, которая проливает свет на «государственность и право» в Центральной Азии¹. Предыдущая его книга² анализировала личностный фактор в правовой политике Центральной Азии. Отмечу, что обе книги автора продолжают информировать научное сообщество и интересующихся об истории Центральной Азии. Нужно отметить, что рецензируемая книга Р. Ю. Почекаева частично игнорирует идеи ориентализма, применяя их в основном к западной востоковедной науке.

¹ См.: *Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в. М., 2019.*

² См.: *Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М., 2017.*

В 2018 г. исполнилось 40 лет с момента выхода в свет книги Э.Саида «Ориентализм»³. Этот труд был переведен более чем на 50 языков мира. Текст «Ориентализма» многослоен, гибок, богат пинаклями и намеками, ироничен, однообразен, интересен и идеологически ангажирован. С каждым переводом книги появлялся и «новый» ориентализм, отличный от саидовского. Саидовский «Ориентализм» превратился в идеальный образец для каждого продвинутого гуманистара, но и одновременно потерял свой первоначальный замысел, как и любой священный катехизис. Каждый ученый «изобретал» собственный ориентализм, часто ригористические трактовки сами подвергались ориентализации и в конечном итоге сами нуждались в деконструкции. Саидовский ориентализм, таким образом, многолик, он нуждается в интерпретации и защите. Быть адептом Э. Саида модно, критиковать — признак глубокого ума, не признавать его — значит быть защитником империализма/колониализма, а игнорировать его просто невозможно.

После распада СССР идеи Э. Саида обрели второе дыхание. Он в своем труде не исследовал российский империализм/колониализм. Несмотря на его сознательное «упущение», исследователи рьяно взялись за реализацию идей и подходов саидовского ориентализма к российской имперской/колониальной и культурной истории. Одновременно история Российской империи стала камнем преткновения для исследователей, так как дать точное определение российской имперской действительности в рамках жесткой саидовской дихотомии и «культурного превосходства» было очень сложно, однако некоторые исследователи попытались это преодолеть. Ниже дается краткая историография таких попыток.

Вернемся к «классическому» Э. Саиду. В 2017 г. в журнале *Third World Quarterly* была напечатана статья Б. Гиллей⁴, открыто защищавшая практики колониализма/империализма, но автор статьи не нашел поддержки, вызвав только гневные отклики и негативные комментарии в академических кругах. В ноябре 2017 г. позицию Б. Гиллея публично защищал в газете *The Times* оксфордский профессор Н. Биггар⁵. Интересно отметить, что Б. Гиллей и Н. Биггер подверглись остракизму научного сообщества. Статьи Б. Гиллея и Н. Биггера показывают, что проблемы колониализма/империализма остаются острыми в академических кругах Запада и воспринимаются как реликт.

В постсоветском пространстве, в частности в Российской Федерации, книга Э. Саида нашла как горячих сторонников, так и эрудированных противников. Российская интеллектуальная элита остро реагировала на Э. Саида, так как именно в России эта тема является более актуальной, поскольку она бывшая метрополия и ей нужно выстраивать отношения с бывшими «внутренними колониями». Странно, что в постсоветском пространстве «Ориентализм» Э. Саида был переведен на русский язык только в 2006 г.⁶ Перевод, по мнению В. Бобровникова, получился очень неудачным⁷. Следует отметить, что основные идеи книги «Ориентализм» и его критика появились на страницах журнала «Ab Imperio» (переведена на рус-

³ Said E. W. *Orientalism*. New York, 1978.

⁴ Gilley B. The case for colonialism // *Third World Quarterly*, 2017. <http://doi.org/10.1080/01436597.2017.1369037>.

⁵ Biggar N. “Don’t feel guilty about our colonial history” // *The Times*. 2017. November 30.

⁶ Саид Э. *Ориентализм*. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

⁷ Бобровников В. Почему мы маргиналы (заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида) // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 325–344.

ский уже в 2002 г.), который освещал спор между ведущими учеными К. Найтом, А. Халидом и М. Тодоровой⁸ по поводу «духа» российского ориентализма. Кроме них свою точку зрения по этому вопросу высказали С. ван дер Ойе, Е. Кемпбелл и А. Эткинд⁹. Нужно упомянуть и работы известного ученого С. Н. Абашина, который писал о «кризисе» ориентализма в Средней/Центральной Азии¹⁰.

Существует огромная литература критики «Ориентализма», и российские труды не составляют исключения. Еще до перевода «Ориентализма», в 1996 г., российский ученый А. И. Фурсов критиковал идеи саидовского ориентализма с методологической точки зрения: «...как и где в таком случае провести грань между субъективными представлениями исследуемых социальных агентов и представлениями самого исследователя»¹¹. Не менее едко и подробно раскритиковал «Ориентализм» С. А. Панарин. Он отметил, что «...если бы Саид на деле ограничился исследованием стиля, фигур речи, приемов описания и т. п., представленных в западных текстах о Востоке, думаю, претензий к его книге было бы не больше, чем к любому добротному академическому труду. Но «Ориентализм» насквозь аксиоматичен и аксиологичен, автор его не столько исследует, сколько постоянно и агрессивно утверждает, оценивает и судит»¹². В 2016 г. появился сборник статей, составители которого (В. О. Бобровников и С. Дж. Мири) попытались разграничить *ориентализм* с *ориенталистикой*¹³. Этот сборник появился, скорее всего, под влиянием книги В. Тольц¹⁴, где она дала «собственный» взгляд на историю генезиса идей «западного» ориентализма через влияние импресских/советских/российских ученых (школа барона Розена → Сергей Ольденбург → статья «Востоковедение» во втором издании «Большой советской энциклопедии» → Анвар Абдель Малек → Э. Саид). В сборнике 2016 г. произошла переоценка и переосмысление основных идей саидовского *ориентализма*, когда появились свои «чужие»¹⁵ в имперский/российский/советский периоды власти. «Развитие» и «генезис» саидовского ориентализма плодотворно повлияли на исторические исследования и открыли его новые горизонты. Выход из «прокрустова ложа» саидовского ориентализма стал позитивным моментом, однако с ним смог справиться не всякий ученый.

⁸ См.: Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 323–344; Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Там же. С. 310–323; Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Там же. С. 344–360.

⁹ См.: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Ориентализм — дело тонкое // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 249–265; Кэмпбелл Е. К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX века — начале XX века) // Там же. С. 311–323; Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Там же. С. 265–299.

¹⁰ Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 43–97.

¹¹ Мир-системный анализ и его критики. Научно-аналитический обзор. М., 1996. С. 14.

¹² Панарин С. А. Эдвард Саид: книга софизмов // Историческая экспертиза. 2015. №2(3). С. 78–105.

¹³ Ориентализм vs Ориенталистика. Сб. статей / сост. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири. М., 2016.

¹⁴ Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013.

¹⁵ Бобровников В. О., Конев А. Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи // Ориентализм vs Ориенталистика. С. 167–207.

В узбекистанской науке известны своими академическими работами об ориентализме и его проявлениями в Туркестанском генерал-губернаторстве и ханствах ряд именитых ученых, например Б. М. Бабаджанов, А. Джумаев, У. Абдурасулов, Ю. Флыгин, В. С. Хан¹⁶ и др. Критика имперских/колониальных «экспертов» по исламу (например, Н. П. Остроумова) входила в их задачу деконструкции/деструкции имперского знания. Иногда деконструкция этих исследователей доходила до того, что они вынуждены были находить баланс или компромисс между властью, экспертами и самими исследователями. Часто ученые забывают, что они являются тем «третьим» углом саидовского ориентализма. Этот компромисс и был разновидностью ориентализма, только скрытого. Быть современным экспертом по исламу колониального/имперского периода значит породить новый явный ориентализм, который ждет своего критика. Несмотря на все упущения и недоработки отечественных исследователей, нужно учитывать тот факт, что они были первооткрывателями в этой «модной» области. Не буду углубляться в конструктивную критику узбекистанских исследователей, попытаюсь только очертить общие проблемы отечественного (если можно так выразиться) исследования и применения саидовского ориентализма к «нашим» гуманитарным наукам.

Исследуемая нами книга состоит из семи глав. Главы составлены исходя из географического принципа. В основном автором анализируются «государственность и право» Бухарского эмирата, Хивинского ханства, Кокандского ханства, «малых владений» (Ташкент, Дарваз, Каратегин и Памир) и Восточного Туркестана. Географический принцип деления «государственности и права» стран Центральной Азии вызывает у читателя ложное представление, что этот регион был разным в «политическом и религиозном» плане. Автор в своем анализе записок путешественника игнорирует такие «малые владения», как Нур-Ата, Ургут и Яккабаг¹⁷, которые находились в составе Бухарского эмирата. По мнению известного (ныне покойного) казахстанского востоковеда Т. Бейсембиева, «отличительной чертой Средней Азии накануне присоединения ее к России была политическая дезинтеграция»¹⁸. Автор книги априори считает государства Центральной Азии (Бухарский эмират, Хивинское ханство и Кокандское ханство) «централизованными» политическими структурами (явный европоцентризм) и практикующими единые стандарты права. Думаю, вряд ли европейские «путешественники» разбирались во всех тонкостях местного исламского права и ясно понимали структуру государственного устройства.

И к содержанию, и к «идеологии» данного «исторического» труда не может не быть замечаний и предложений. Так, нельзя назвать эту книгу «историческим» исследованием в современном значении этого слова, так как она явно игнорирует современные теории и историографию. Также автором односторонне используются разработки исторической науки. Хорошо видна и ангажированность автора, которая

¹⁶ См.: Бабаджанов Б. М. Николай Остроумов: «миссионер», «исламовед», «цивилизатор»? // Восток свыше. Октябрь — декабрь. 2013. № 4 (32). С. 29–51, 75–80; Джумаев А. Еще о «миссионерстве» Остроумова // Там же. С. 55–66. Абдурасулов У. Остроумов и идеология колонизации // Там же. С. 66–68; Флыгин Ю. С. Николай Остроумов: «Я считаю себя не бесполезным человеком для иноверцев... и отнюдь не врагом их» // Там же. С. 68–75. Хан В. С. Déjà vu и встреча с «чужим» // II Востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова. Ташкент, 2010. С. 108–113.

¹⁷ Бейсембиев Т. К. Малые владения в Мавераннахре: Нур-Ата, Ургут, Яккабаг (XVIII–XIX вв.) // Иран-намэ. 2007. № 2. С. 23–32.

¹⁸ Там же. С. 23.

выражается в «антизападнических» выпадах и, как следствие, чрезмерной идеологизированности привлеченного «исторического» материала. Книга написана в духе «позитивного» советского ориентализма (например, труды Б. В. Лунина¹⁹ и Н. А. Халфина²⁰): «свои» «путешественники» — молодцы, западные — как всегда, «необъективны» и «непоследовательны»²¹.

Следует отметить, что смущает и название книги, которое создает искусственное методологическое отличие российских и западных «путешественников». В книге грань между российскими (автор признается, что среди них было много немцев, поляков и др.) и западными «путешественниками» проведена четко: западные «путешественники» (в основном англичане) в описании стран Центральной Азии следовали ориентализму, который, по мнению автора, возник в Британской империи. По мнению автора, российские «путешественники» якобы не следовали принципам историографии ориентализма. Автор отмечает, что «...они (т. е. российские путешественники. — Б. А.) ограничиваются констатацией фактов, избегая оценок и критики, поскольку в большей степени преследуют цель найти точки соприкосновения со странами и народами Центральной Азии»²². Противопоставление российских и западных «путешественников» вызывает удивление и беспокойство. Автор, к сожалению, не учел историческую литературу последних 30 лет, где ориентализм российских «путешественников» уже не подвергается сомнению²³.

Думается, термин «путешественники» выбран автором довольно неудачно. Под этим термином объединены дипломатические миссии, военная разведка и купеческие «рассказы», что создает иллюзию прикрытия настоящих целей империй. Иной взгляд на чужую государственность и право, по мнению автора, дает нам шанс получить более объективную картину. Противопоставляя местные источники запискам «путешественников», автор критикует местные источники, обвиняя их в том, что они формируют «представления о государственности и праве Центрально-Азиатского региона как исключительно базировавшихся на мусульманских политико-правовых принципах»²⁴. Автор также настаивает на том, что «местное население,

¹⁹ Например, одна из самых его известных работ: *Лунин Б. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк.* Ташкент, 1979.

²⁰ *Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.).* М., 1965.

²¹ *Саид Э. Ориентализм...* С. 22, 32, 33.

²² Там же. С. 33.

²³ См.: *Bassin M. Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865.* Cambridge University, 1999; *Brunet R., Violette R. Europes orientales, Russie, Asie Centrale.* Paris, 1996; *Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience.* Cambridge, 2011; *Knight N. V. V. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in Service of Empire // Slavic Review.* 2000. Vol. 59, no. 1. P. 74–100; *Gorshenina S. La marginalité du Turkestan colonial russe est-elle une fatalité, ou l'Asie centrale postsoviétique entrera-t-elle dans le champ des Post-Studies? // Le Turkestan russe: une colonie comme les autres? Ed. par S. Gorshenina, S. Abashin. Cahiers d'Asie centrale.* 2009. No. 17/18. P. 17–78; *Scotto P. Prisoners of the Caucasus: Ideologies of Imperialism in Lermontov's "Bela" // Publications of the Modern Language Association of America (PMLA).* 1992. Vol. 107, no. 2. P. 246–260; *Marshall T. P. The Russian Moment in World History.* Princeton, 2003; *Layton S. Russian Literature and Empire Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy.* Cambridge, 2005; *Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods.* Oxford, 2011; *Абашиин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть...»* С. 43–97; *Ориентализм vs Ориенталистика // Сб. статей. Сост. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири.* М., 2016; *Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет.* М., 2005. С. 310–323.

²⁴ *Саид Э. Ориентализм...* С. 6–7.

приняв ислам, сохранило некоторые прежние правовые традиции»²⁵, но не указывает, какие именно «прежние» правовые традиции население сохранило как не указывает причину живучести «старых» доисламских обычаев в судопроизводстве или в государственных структурах Центральной Азии. Естественно, что прежние правовые традиции сохранялись еще долгое время не только при ханском дворе, но и среди кочевников²⁶. Местные источники эти факты не отрицают, но легитимируют их. Здесь автор демонстрирует свое незнание местных источников права и принципов государственности населения Центральной Азии, так как исследования мусульманского правоведения показывают, что они были довольно гибкими на практике и отвечали требованиям своего времени²⁷.

Основная заслуга «путешественников» заключалась в том, что у них не было «причин идеализировать роль и значение ислама и мусульманского права в Центрально-Азиатском регионе»²⁸ (с. 7). Автор дискутирует с местными источниками и практиками, упрекая их в доминировании мусульманского права в повседневной жизни и политике.

Основным объектом изучения автора является государственность и право в Центральной Азии через призму записок «путешественников». К сожалению, он серьезно воспринимает отчеты этих «странствий» и не учитывает современный уровень развития исторического знания, т. е. настаивает на «историчности» записок и, как следствие, воспринимает их как объективное знание. Отсутствует рефлексия историка и правоведа по поводу этих записок и отчетов. Отрицание ориентализма у большинства российских «путешественников» снижает ценность работы. На мой взгляд, современный уровень исторического развития позволяет нам понимать, что важнее исследовать представления самих «путешественников» и не воспринимать за объективное знание их информацию о «государственности права» народов Центральной Азии. Историческая значимость записок «путешественников» заключается в понимании намерений самих «путешественников» и их представлений о Центральной Азии, а не в поиске у них «объективного» исторического знания.

Несколько слов о местной государственности. К сожалению, автор не проясняет, в чем же проявлялась эта «центральноазиатская» государственность. В «тотальной» исламизации государственных институтов и права? В реальной практике доисламских или неисламских правовых практик в «политической» и повседневной жизни народов Центральной Азии? Также читателю непонятно, в чем же заключалась «политическое» отличие в Центральной Азии? Автор явно стремится преодолеть европоцентризм, включая записки российских «путешественников», которые собирали для своих «заказчиков» объективное знание. Явное полуотрицание европоцентризма и саидовского ориентализма подталкивает автора искать «плохих» и «хороших» «путешественников», которые дают своим правительствам и читателям разную ангажированную информацию.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ *Бабаджанов Б. М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Ташкент; Токио, 2010.

²⁷ *Sartori P.* Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leyden, 2017; *Thompson E. P.* Customs in common. Studies in traditional popular culture. New York, 1993.

²⁸ *Саид Э.* Ориентализм... С. 7.

Один из плюсов этой книги состоит в том, что автор пытается понять и объяснить записки «путешественников» через их биографии и служебное положение. Он мало внимания уделяет идеологии эпохи и опускает имперский контекст, хотя постоянно упоминает соперничество между Российской и Британской империями (пресловутая Большая игра).

Книга будет неплохим справочником для дальнейших исследователей по проблематике ориентализма и имперского движения в Центральной Азии. Неискушенный читатель найдет в ней полезную информацию о хронологии посещения европейцами Центральной Азии, а также полные биографии российских и западных «путешественников».

В этой связи хотелось бы дать краткую информацию о судьбе идей ориентализма в узбекистанской гуманитарной науке.

В узбекистанской науке саидовский ориентализм в основном использовали в своих целях ученые и востоковеды, непосредственно занимавшиеся историей Туркестанского генерал-губернаторства или вопросами религии, в частности исламом. Советский и современный ориентализм, или постколониальные (субалтерные, гендерные и т. п.) исследования в духе Г. Спивак, Х. Бхабха²⁹ и др., не нашли отражения в нашей исторической и востоковедческой литературе. Насколько я осведомлен, новая культуральная история и постмодернистские варианты исторического описания фактически находятся вне поля зрения узбекистанских исследователей (конечно, если не учитывать некоторые работы уважаемых профессоров Б. М. Бабаджанова и Э. Э. Каримова). Странно отметить, что до сих пор у нас господствует этнографическое/этнологическое описание *собственного* населения республики, которое критикуется и описывается в работе А. Эткинда о «внутренней колонизации»³⁰. Наша задача (т. е. гуманитариев республики) — деконструировать или реконструировать понимание прошлого в рамках определенной модели или теории (например, постколониальные подходы и т. п.), так как оно нам не дано и познать его непосредственно невозможно. Вера в *объективную* историю как таковая изжила себя с советской «периферийной» историографией, хотя советская история строилась на «частной» методологии — советском понимании псевдо-, около-, пост-, неомарксизма³¹. Нужно отметить, что и сам «классический» марксизм не избежал клише ориентализма, как не раз отмечал сам Э. Саид. Нам нужно создать или разработать собственную критику ориентализма в нашей гуманитарной науке, или разработать концепцию прошлого. Для этого, скорее всего, полезнее и выгоднее взять за образец готовые методы и подходы извне и попробовать применить их к нашему прошлому и настоящему.

Ориентализмы в отечественной гуманитарной науке воспроизводят старые советские клише, которые исключают всякую конструктивную критику и дискуссию, являющиеся основой современной гуманитарной сферы. Я не предлагаю реформировать гуманитарную сферу, призываю только к конструктивному науч-

²⁹ Spivak G. Ch. Can the Subaltern Speak? Reflections on the History of an Idea. New York, 2010. P. 34; Bhabha H. K. The Location of Culture. London, 1994. P. 236–256.

³⁰ Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74.

³¹ Хан В. С. О методологической и логико-эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии // Uzbekistan Initiative Papers. 2014. No.16. P. 1–12.

ному диалогу и дискуссии. Советские реликты и ориентализация современной узбекистанской/постсоветской гуманитарной сферы приводят к интересным результатам: в исторической науке преобладают описательные методы («описаловка») и неудержимое восхваление воображаемого прошлого и т. п.; в востоковедческой сфере знания явно проявляется негативный академизм (т. е. «наука ради науки») и воспроизводство мертвых форм искусства и культуры воображаемого феодального прошлого, которое безапелляционно воспринимается как историческая действительность. В результате мы пишем о вечных истинах, трансформации традиции и воображаемом модерне. Эти явления неизбежно приводят к идеологизации и «текстуализации» прошлого, отвращают ученых от действительности, интеллектуально развращают молодежь и создают культурную дистанцию внутри населения. Ведь дегуманизация гуманитарной сферы — объект критики Э. Саида и весь пафос его книги. Ни в коем случае я не преувеличиваю и не приуменьшаю значение ориентализма в понимании постколониального общества, я только отмечаю, какие уроки и выводы мы можем извлечь из этой книги для осознания действительности и дальнейших вариаций ориентализма в мировой науке.

References

- Abashin S. N. Nalivkin: "...there will be that which must inevitably be; and that which must inevitably be, can no longer be...". The crisis of Orientalism in the Russian Empire? *Aziatskaia Rossiia: liudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh statei*. K 50-letiiu so dnia rozhdeniia professora A. V. Remneva. Ed by N. G. Suvorova. Omsk, Omsk University Press, 2005, pp. 43–97. (In Russian)
- Abdurasulov U. Ostroumov and the ideology of colonization. *Vostok Svyshe*, 2013, no. 4 (32), pp. 66–68. (In Russian)
- Babadzhanov B. M. *Kokand Khanate: power, politics, religion*. Tashkent, Tokio, Yangi nashr Publ., 2010, 744 p. (In Russian)
- Babadzhanov B. M. Nikolai Ostroumov: "missioner", "expert by islam", "supporter of civilization"? *Vostok Svyshe*, 2013, no. 4 (32), pp. 29–51, 75–80. (In Russian)
- Bassin M. *Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, 322 p.
- Beisembiev T. K. Small possessions in Maverannah: Nur-Ata, Urgut, Yakkabag (18th — 19th centuries). *Iran-name*, 2007, no. 2, pp. 23–32. (In Russian)
- Biggar N. "Don't feel guilty about our colonial history". *The Times*, 2017, November 30.
- Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London, Routledge, 1994. P. 236–256.
- Bobrovnikov V. Why are we marginalized (notes on the margins of the Russian translation of "Orientalism" by Edward Said). *Ab Imperio*, 2008, no. 2, pp. 325–344. (In Russian)
- Bobrovnikov V. O., Konev A. Yu. Their "strangers": foreigners and natives in the Russian Empire. *Orientalizm vs Orientalistika*. Sb. statei. Comp. by V. O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri. Moscow, Sadra Publ., 2016, pp. 167–207. (In Russian)
- Brunet R., Violette R. *Europes orientales, Russie, Asie Centrale*. Paris, Paris-Montpellier, 1996, 480 p.
- Dzhumaev A. More about the "missionary work" of Ostroumov. *Vostok Svyshe*, 2013, no. 4 (32), pp. 55–66. (In Russian)
- Flygin Yu. S. Nikolai Ostroumov: "I consider myself not a useless person for the Gentiles... and by no means their enemy". *Vostok Svyshe*, 2013, no. 4 (32), pp. 68–75. (In Russian)
- Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, Cambridge Polity Press, 2011, 264 p.
- Etkind A. The burden of a shaved man, or the internal colonization of Russia. *Ab Imperio*, 2002, no. 1, pp. 265–299. (In Russian)
- Etkind A. Foucault and the thesis of internal colonization: A postcolonial view of the Soviet past. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 49, pp. 50–74. (In Russian)
- Gilley B. The case for colonialism. *Third World Quarterly*, 2017. <http://doi.org/10.1080/01436597.2017.1369037>.

- Gorshenina S. La marginalité du Turkestan colonial russe est-elle une fatalité, ou l'Asie centrale postsoviétique entrera-t-elle dans le champ des Post-Studies? In *Le Turkestan russe: une colonie comme les autres?* Ed. by S. Gorshenina, S. Abashin. *Cahiers d'Asie centrale*, 2009, no. 17/18, pp. 17–78.
- Kempbell E. On the issue of Orientalism in Russia (in the second half of the 19th century — the beginning of the 20th century). *Ab Imperio*, 2002, no. 1, pp. 311–323. (In Russian)
- Khalid A. Russian history and the debate about Orientalism. *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 310–323. (In Russian).
- Khalifin N. A. *Accession of Central Asia to Russia (60–90s of the 19th century)*. Moscow, Nauka Publ., 1965, 468 p. (In Russian).
- Khan V.S. Déjà vu and meeting with the “stranger”. *Vtorye Vostokovedcheskie chteniia pamiati N.P. Ostroumova*. Tashkent, Izdanie Tashkentskoi i Sredneaziatskoi eparkhii, 2010, pp. 108–113. (In Russian).
- Khan V.S. On the methodological and logical-epistemological situation in the social sciences of Central Asia. *Uzbekistan Initiative Papers*, 2014, no. 16, pp. 1–12. (In Russian).
- Knight N. V. V. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in Service of Empire. *Slavic Review*, 2000, vol. 59, no. 1, pp. 74–100.
- Layton S. *Russian Literature and Empire Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 372 p.
- Lunin B. V. *Central Asia in the Scientific Heritage of Russian Oriental Studies*. Historiographical essay. Tashkent, Fan Publ., 1979. 184 p. (In Russian).
- Marshall T. P. *The Russian Moment in World History*. Princeton, Princeton University Press, 2003. 136 p.
- Nait N. On Russian Orientalism: an Answer to Adib Khalid. *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 323–344. (In Russian).
- Panarin S. A. Edward Said: The Book of Sophism. *Istoricheskaiia ekspertiza*, 2015, no. 2(3), pp. 78–105. (In Russian).
- Pochekaev R. Yu. *Governors and khans. The personal factor of the Legal Policy of the Russian Empire in Central Asia: 18th — beginning of 20th Century*. Moscow, Vysshiaia shkola ekonomiki Press, 2017, 384 p. (In Russian)
- Pochekaev R. Yu. *State and Law in Central Asia through the Eyes of Russian and Western Travelers of the 18th — early 20th Centuries*. Moscow, Vysshiaia shkola ekonomiki Press, 2019, 424 p. (In Russian)
- Said E. W. *Orientalism*. New York, Vintage Books, 1978, 368 p.
- Said E. *Orientalism. Western concepts of the East*. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2006, 636 p. (In Russian)
- Sartori P. *Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leyden, Brill, 2017, 392 p.
- Scotto P. Prisoners of the Caucasus: Ideologies of Imperialism in Lermontov's “Bela”. *PMLA*, 1992, vol. 107, no. 2, pp. 246–260.
- Spivak G. Ch. *Can the Subaltern Speak? Reflections on the History of an Idea*. New York, Columbia University Press, 2010, 336 p.
- Thompson E. P. *Customs in common. Studies in traditional popular culture*. New York, The New Press, 1993, 560 p.
- Todorova M. Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? Addendum to the Dispute between Nathaniel Knight and Adib Khalid. *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 344–360. (In Russian)
- Tolz V. *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford, Oxford University Press, 2011, 224 p.
- Tol'ts V. “Own East of Russia”. *Identity Policy and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period*. Moscow, NLO Publ., 2013, 336 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 марта 2019 г.

Рекомендована в печать 9 сентября 2019 г.

Received: March 17, 2019

Accepted: September 9, 2019